

Содержание

<i>Елена Галимова. Сокровище, которому и мы наследники</i>	11
<i>У АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОРОДА, У КОРАБЕЛЬНОГО ПРИСТАНИЩА</i>	53
<i>Зачинается слово от седого Океана, от Архангельских песенных рек</i>	57
<i>Поклон сына отцу</i>	61
Детство в Архангельске	67
Миша Ласкин.	75
Поклон сына отцу	80
Мурманские зуйки	82
Рождение корабля	94
<i>Мать, дочь и сыновья разбойники</i>	107
<i>На службе студеному морю</i>	113
Для увеселенья	119
Новоземельское знание	124
Новая земля	127
Грумаланский песенник	133
Грумонт-медведь	134
Общая казна	135
Болезнь	135

Рассказы о кормщике Маркеле Ушакове	136
Мастер Молчан	137
Рядниковы рукавицы	138
Кошелек	139
Ворон	141
Художество	142
Ничтожный срок	142
Видение	144
Ушаков и Фома Кыркалов	144
Достояние вдов	145
Долг	146
Понятие об учтивости	147
Маркел Ушаков и Василий Кекин	147
Треух	148
Вера в ложке	149
Пиво	149
Ушаков и Яков Койденский	150
Кондратий Тарара	151
О кормщике Устьяне Бородатом	153
Чудские боги	153
Слово кормщика	154
Русское слово	154
Устьян и купец	155
Устьян и олени	156
Рассказы про старого кормщика	
Ивана Рядника	157
Диковинный кормщик	157
Вопрос и ответ	157
Павлик Ряб	158
Рядник и тиун	158
Иван Рядник говаривал	159
Мать и сыновья капитаны	160

Архангельский город всему морю воротт	165
Ваня Датский	171
Митина любовь	177
Егор увеселялся морем	184
Старые старухи	197
Двинская земля	203
Князь, княгиня и старицы	215
Живая старина	223
Любовь сильнее смерти	229
Гнев	233
Круговая помощь	236
Корабельные вожи	237
Гость с Двины	240
Ингвар	246
Василий и Снафида	249
Народ-художник	255
Пинежский Пушкин	261
Пушкин Архангелогородский	268
Евграф	274
Марья Дмитриевна Кривополенова	275
Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание	280
Мати князя Михаила его княгиню погубила	285

Добрыя людям на услышанье**(Поморские былины) 293**

О Сухмане Непровиче 299

Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром 306

Об Авдотье Рязаночке 311

Старина о Варламии Керетском 324

Князь Роман и княгиня Марья Юрьевна 329**Сокровенный Шергин 341**

1939 год 347

1940 год 367

1942 год 370

1943 год 375

1944 год 389

1945 год 409

1946 год 424

1947 год 457

1948 год 465

1949 год 467

1953 год 474

1957 год 478

1966 год 479

1967 год 481

1968 год 487

Приложения 491

Словарь устаревших слов 491

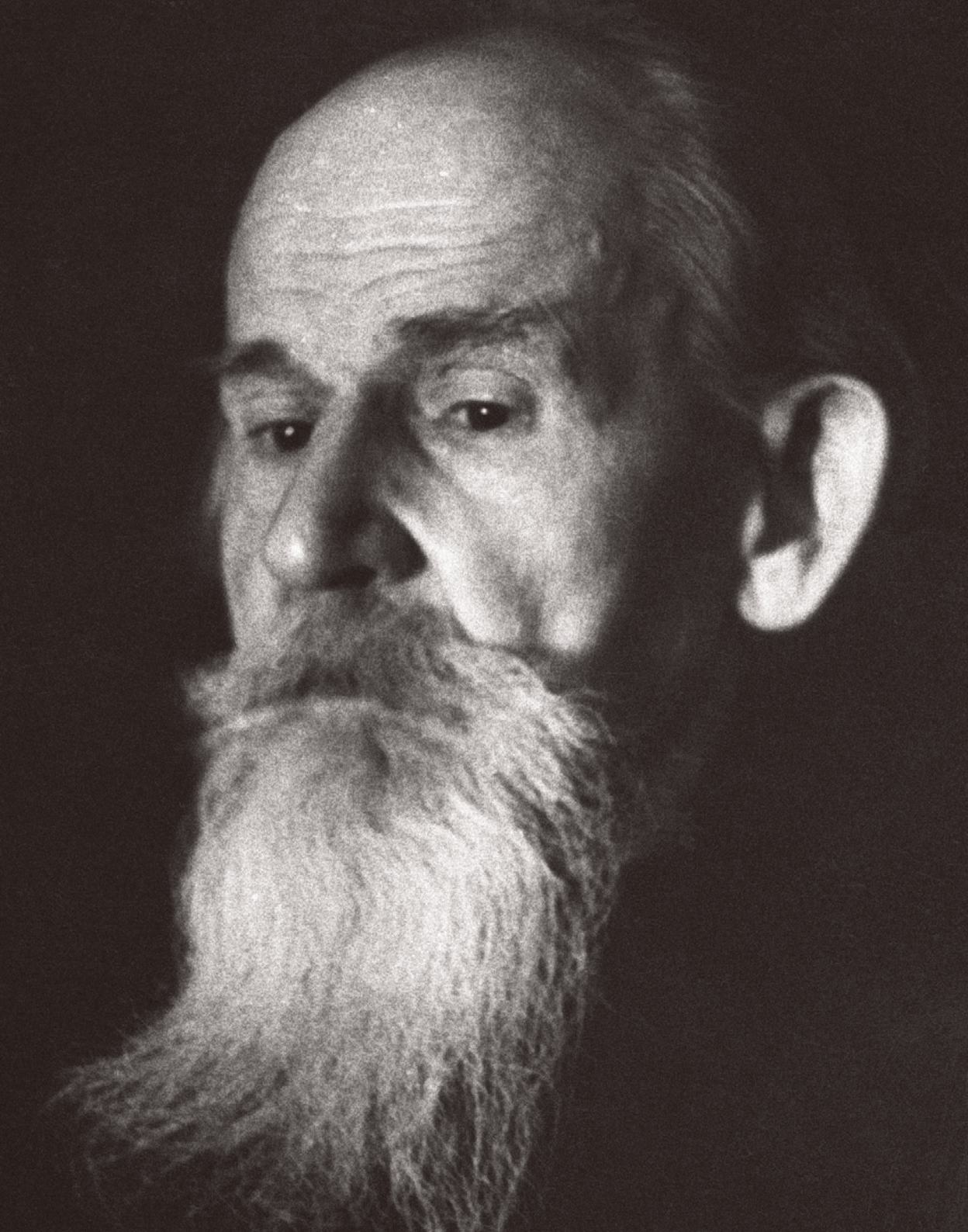
Поговорки 501

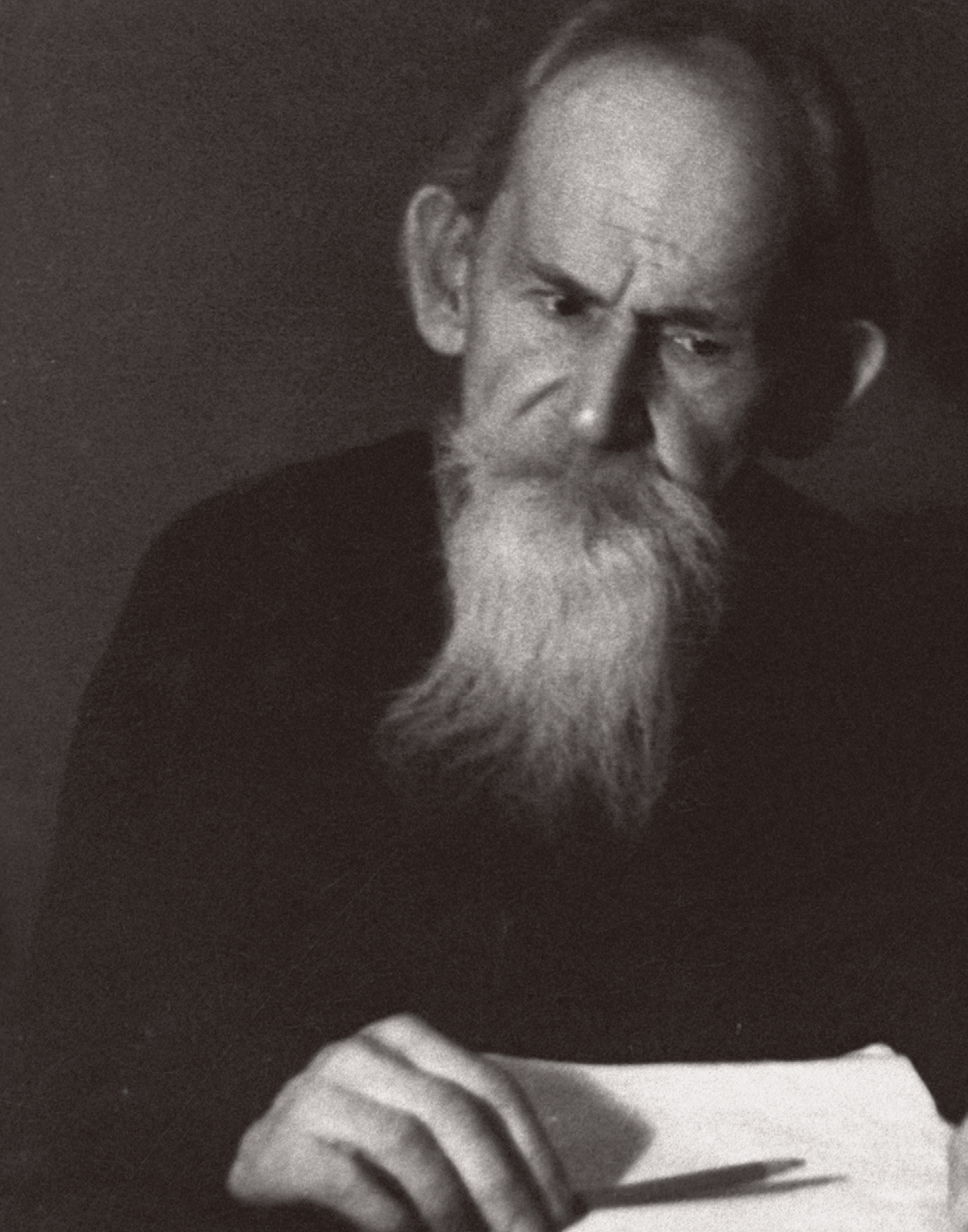
Комментарии к основному тексту 502

Наше поколение еще помнит старое живым. И теперь, теряя его безвозвратно, начинаем мы понимать утрату. Мы не берегли старую красоту, мы даже не знали ее как следует и не умели ее ни оценить, ни полюбить. Сейчас уж почти схоронили ее в музеях и толстых этнографических трудах. А между тем она слишком еще нужна нам. В старом народном искусстве — родина наша. Родина во всем: и в пейзаже, и в домах, и в крестах на могилах, и в старине, и больше всего в искусстве. Человек без родины — сирота. Потому что душа глубоко корнями уходит в родную почву, и если вырвать ее, высохнут корни, будет пережари-поле. Нас же постоянно отрывали от родной почвы, прививали чужие культуры. Надо сохранить хотя бы воспоминание о прошлом богатстве, — не в изуродованном и не в заспиртованном виде, а живым и действенным.

Слушая, как исполняют былины архангельские поморы, можно представить, как звучали эпические песни древней Европы. Если вздумаем счесть века и возраст устной нашей поэзии, если положим в начале вещего Баяна, перед нами откроется тысячелетний песенный путь.

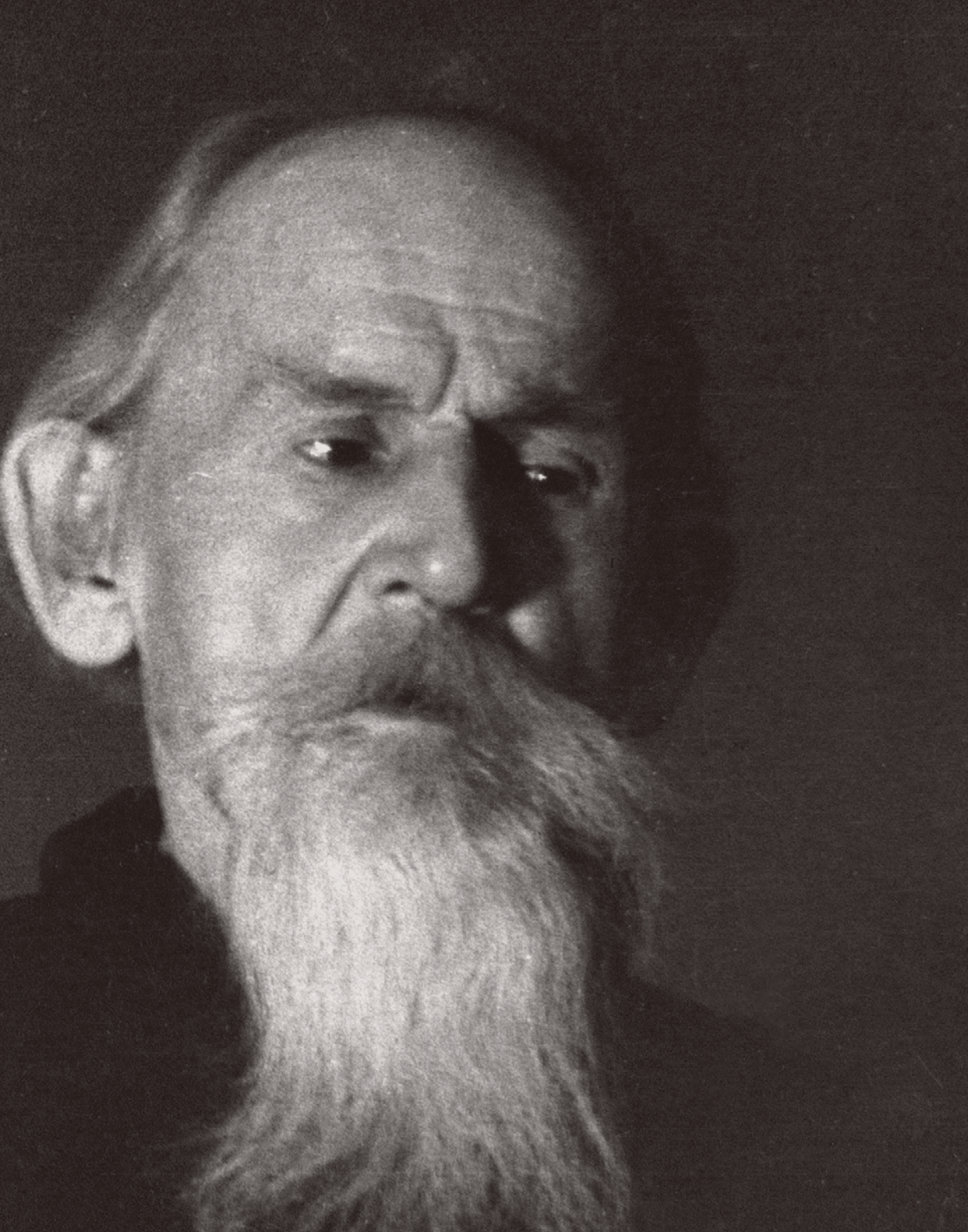

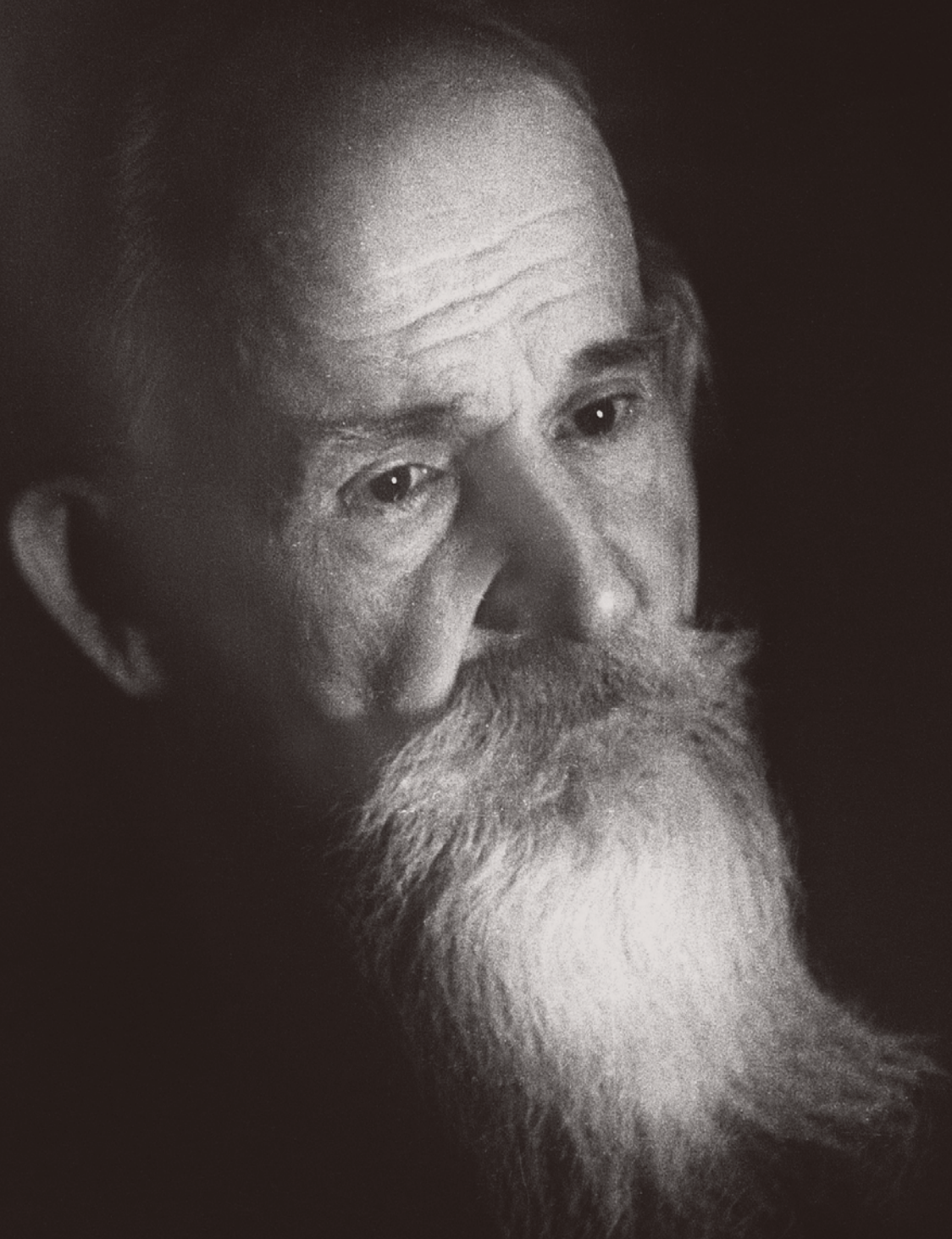

То несомненно, что ежели внутри себя Бога не стяжаешь, внутрь себя хотя искорку Царства Небесного не доспеешь, то и вне Бога не восчувствуешь. Бога надо всякому взыскать, без этого ни счастья, ни жизни нет. Без Бога мы мертвецы ходячие.

И первое: ты Его в сердце своё потрудишься заполучи. Многогорбен этот путь, но благодарен. Глиниста, неродима душевная целина у нас. Ничего не растёт. Скорбями многолетними она вспахивается, печальми боронится, слезами засеивается... Зато очи сердечные откроются. Внутренний человек, зрячий и с тонким слухом, в тебе проснётся. Всё равно как прежде огонь добывали: бревно о бревно тёрли, трудясь до тех пор, пока искра не вспыхнет, огонек не родится. Таково и нам надо трудиться, чтоб искорку живого огня вытереть внутри себе. Тогда откроются очи, чтоб видеть Троицу Животворящую в небесах и Его, Света нашего, Господа прелюбимого, сидящего одесную Отца.

Т. Шергин.

Елена Галимова

СОКРОВИЩЕ, КОТОРОМУ И МЫ НАСЛЕДНИКИ

«Во всей внешности человека ярко отражается духовная сущность его», — писал святитель Лука (Войно-Ясенецкий), отмечая, что «высшую ценность нравственной красоты и мерзость безобразия являет природа в кротких и чистых глазах добрых людей, в отталкивающем виде злодеев и бесчестных»¹.

Три русских прозаика, встречавшиеся с Борисом Викторовичем Шергиным в последние годы его жизни, оставили воспоминания о нем. И все трое, не сговариваясь, подчеркивали в облике старого писателя особую внутреннюю красоту, отмечали в его внешности черты, вызывающие в памяти иконописные и житийные изображения святых.

Федор Абрамов увидел Шергина таким: «Хорошо помню его светящийся лик (ничего больше подобного не видал), его неторопкую, умиротворяющую речь. Как ручей в белой ночи... И еще помню, как светло было у меня на душе, когда вышли. Как в детстве, когда выходил из церкви на Пасху. И по-иному выглядело все на улице. Пахло весной. И люди все хорошие. <...> Впечатление. Побывал в XVI — XVII веках, а может быть, у истоков. Святой, и вещей боян, и монах, и летописец. <...> Вышел с ощущением святости. <...> Комната — подвал. К вечеру было дело, темновато. <...> Но — свет. Свет от старичка на кровати. Как свеча, как светильник. В памяти вставал почему-то Зосима Достоевского, в последний раз представляющий Карамазовых, деревенские старики, которые уже «сожгли» всю свою плоть. Бесплотные, бестелесные... <...> Впечатление — благодать, святость, неземная чистота, которая есть в картинах Вермеера Делфтского. Слепой старик. А весь светился. <...> Праведник, святой в наши дни — не чудо ли?»²

1 Лука (Войно-Ясенецкий), *свт. Дух, душа и тело // О человеке*. М., 2004. С. 234, 236.

2 Абрамов Ф. А. Б. Шергин // Абрамов Ф. А. Слово в ядерный век: Статьи, очерки, выступления, интервью, литературные портреты, воспоминания, заметки. М.: Современник, 1987. С. 417, 421–423.

Юрий Коваль, который был не только писателем, но и художником, сумел и словесный портрет Шергина сделать выразительным, запоминающимся: «Борис Викторович сидел на кровати в комнате за печкой. Сухонький, с прекрасной белой бородой, он был все в том же синем костюме, что и в прошлые годы. Необыкновенного, мне кажется, строя была голова Бориса Шергина. Гладкий лоб, высоко восходящий, пристальные, увлажненные слепотой глаза и уши, которые смело можно назвать немалыми. Они стояли чуть не под прямым углом к голове, и, наверное, в детстве архангельские ребятишки как-нибудь уж дразнили его за такие уши. Описывая портрет человека дорогого, неловко писать про уши. Осмеливаюсь оттого, что они сообщали Шергину особый облик — человека, чрезвычайно внимательно слушающего мир». Юрий Коваль вспоминает, что, взглянув на нарисованный им портрет Бориса Викторовича, сестра Шергина ответила на вопрос слепого брата, получился ли рисунок, так: «Ты похож здесь на Николая-угодника». А сам Коваль замечает: «Лариса Викторовна ошиблась. Облик Бориса Викторовича Шергина действительно напоминал о русских святых и отшельниках, но более всего он был похож на Сергия Радонежского»³.

Владимир Личутин тоже подмечает сочетание в облике Шергина черт мощной старости, неприглядности и побеждающей плоть, проступающей сквозь ветхую оболочку внутренней красоты: «Почитай, уж тридцать лет минуло, как повстречался с Борисом Шергиным, но весь он во мне, как окутанный в сияющую плащаницу неизживаемый образ. <...> Согбенный старик, совсем изжитой какой-то, бесплотный. Просторно полощутся порты, рубаха враспояску на костлявых тонких плечах, светится просторная плешь, как макушка перезревшей дыни <...> я поразился вдруг, какое же бывает красивое лицо, когда оно омыто душевным светом... От всего одухотворенного обличья исходит та постоянная радость, которая мгновенно усмиряет вас и укрепляет. Осиянный человек сердечными очами всматривается в огромную обитель души, заселенную светлыми образами, и благое чувство, истекая, невольно заражало радостью и меня. Я, молодой свежий человек, вдруг нашел укрепу у немощного старца»⁴.

Эта почти бесплотность облика, словно сотканного из света, — зримое отражение того внутреннего состояния, которого в старости достиг Борис Шергин,

3 Коваль Ю. Веселье сердечное // Новый мир. 1988. № 1. С. 153–154.

4 Личутин В. Мое упование в красоте Руси // Ясная поляна. 1997. № 1. С. 338–340.

пройдя долгий и скорбный путь. О сущности этого пути, — пути к Богу, без которого «мы мертвецы ходячие», — он говорит в одной из своих дневниковых записей: «Многоскорбен этот путь, но благодарен. Глиниста, неродима душевная целина у нас. Ничего не растет. Скорбями многолетними она вспахивается, печальями боронунется, слезами засеивается... Зато очи сердечные откроются. Внутренний человек, зрячий и с тонким слухом, в тебе проснется»⁵.

* * *

Еще в 1979 году, когда в книге «Поэтическая память» были посмертно опубликованы «Избранное» и дневниковые записи Бориса Шергина, в ответ на утверждение Владимира Гусева, что записи Шергина «принадлежат явно отошедшему прошлому»⁶, Виктор Калугин писал: «Чем больше вчитываешься в эту своеобразную поморскую летопись, составленную нашим современником, тем больше убеждаешься: не прошлому, а настоящему и будущему принадлежит она»⁷.

Впрочем, чуткие люди понимали это еще в начале творческого пути Шергина. А. К. Покровская в предисловии к его первой книге «У Архангельского города, у корабельного пристанища», вышедшей в 1924 году, говорила о пагубности забвения традиций предков: «В старом народном искусстве — родина наша. Родина во всем: и в пейзаже, и в домах, и в крестах на могилах, и в старине, и больше всего в искусстве. Человек без родины — сирота. Потому что душа глубоко корнями уходит в родную почву, и если вырвать ее, — высохнут корни, будет перекаטיפоле»⁸.

О, как нужен нам Шергин сегодня! Как много может он открыть полуслепым своим внукам и правнукам, тыкающимся в поисках очередного рая земного, ныне именуемого обществом потребления, рвущимся покинуть свою Родину или превратить ее в часть безликого стандартизированного бедламчика-вавилончика,

5 Шергин Б. В. Из дневников. Записи 1946 года / публ. Ю. Галкина // Москва. 1996. № 7. С. 170.

6 Гусев В. О книге Б. В. Шергина // Шергин Б. В. Поэтическая память. М., 1978. С. 122.

7 Калугин В. Слово живое и действенное // Москва. 1979. № 9. С. 216.

8 Покровская А. К. [Предисловие] // Шергин Б. У Архангельского города, у корабельного пристанища. М., 1924. С. 3.

подчиняющегося «новому мировому порядку». Как он нужен сегодня обманутым и запутавшимся своим потомкам, какое щедрое богатство завещал он нам — берите пригоршнями, пользуйтесь, положите его слова в сердце свое.

Радуйтесь, радуйтесь тому, что есть у нас Борис Шергин, который так любил Россию (и Архангельск, где прошли его детские и юношеские годы, и Русь Московскую, а особенно — хотьковские, радонежские земли), что своей этой любовью сумел осчастливить нас на многие поколения вперед, сумел поделиться с нами этим огромным даром любви.

Кому-то, наверное, тон мой покажется слишком восторженным, слишком пафосным, но другого тона я для разговора о Борисе Шергине не подберу. И еще, может быть, удивит кого-то, — да что он мог оставить в наследство, этот при жизни полузабытый писатель, считавшийся уже в середине XX века неким архаизмом, странным раритетом, все про любимые свои XVI да XVII столетия писавший и в современности чаще всего видевший черты прошлого, уходящего?

А я читаю и перечитываю и не могу надивиться его щедрым дарам. Что оставил? Да попросту — драгоценнейшее завещание, рассказ о том, как надо жить всем нам, как надо жить человеку на своей земле — всегда, будь то XV, XVII, будь то атеистические десятилетия XX столетия, будь то нынешние последние времена.

Он рассказал о том, что такое твоя родина, какими связями спаян ты с ней, что за радость и полноту существования дает эта связь. И с земной родиной, и с небесной. В дневнике Шергина 1953 года есть такая запись: «Заходил человек с родины... И что-то стало звать меня еще раз повидать любимую родину... Я вдруг почувствовал, что значит родина. Там отчий дом. Там дорогие могилы, там вековой наш род. Там сияющая пора детства и юности моей»⁹.

Немного можно найти в русской литературе произведений, подобных пропетому Шергиным гимну родной стороне — Двинской земле. Почти былинным слогом передает мастер величие нашего края: «От Студеного океана на полдень развеличилось Белое море, наш светлый Гандвиг... Обильно всем наше двинское понизовье. На приглубистых, рыбных местах уточка плавает, гагара ревет, гусей, лебедей — как пены. Холмогорский скот идет от деревень, мычит — как серебряные трубы трубят. И над водами и над островами хрустальное небо, беззакатное

9 Шергин Б. В. Слово о родимой стороне: Из дневников разных лет / публ. и вст. ст. Ю. М. Шульмана // Белый пароход. 1998. № 1 (11). С. 60.

солнце! Мимо деревень беспрестанно идут корабли: к морю один, к городу другие. И к солнцу парусами — как лебедь. Обильна Двинская страна! Богата рыбой и зверем, и скотом, и лесом умножена» («Двинская земля»).

Разве не наследство наше — эти картины? Разве не нужна нам обильная Двинская страна? Разве вправе мы, наследники шергинские, мириться с оскудением и разграблением ее?

...С годами «внешнее» зрение Бориса Викторовича становилось все хуже и хуже, а к старости он ослеп совсем. И тут произошло настоящее чудо: его духовное зрение приобрело такую остроту, что взор художника с легкостью проникал сквозь толщу веков, преодолевал тысячекилометровые пространства. Его «внутренний человек» созерцал сердечными очами не только сказочные святочные вечера, пережитые юным Шергиным в «родимом северном городе», волшебный мир детства, но и то, что происходило задолго до его рождения. Причем именно видел — реально, отчетливо — и проживал со всей полнотой, которую вызывают отнюдь не придуманные, не сочиненные, а пережитые события.

Россию, Русь Шергин видел всю — от родительского домика на Кирочной улице в Архангельске до густых саровских лесов, от дня сегодняшнего до истоков становления государства Российского. Именно видел, созерцал, любовно обводил взором. И эта его Русь — Святая, и никакой другой она быть не могла. А то, что свято, — вечно. В 1946 году Шергин записывает в своем сокровенном дневнике: «Все, что от Бога, то есть от жизни, от света, от разума, вечно пребывает и вечно существует, вечно юнеет. Святые «в Боге почивают». Про святых Божиих, как и про Бога, нельзя сказать, что они были. Они есть... Есть святые, которые любви и дороги многим... Так, всей Руси Святой люб Сергей Радонежский... Ныне он гражданин Иерусалима Небесного, и нет для него эпох и веков. Но люблю нам ближе приникнуть к любимому... Если сердце наше горит усердием и любовью ко святому, то исчезнет завеса веков, и мы, возжелавшие увидеть, как игумен радонежский ронит лес на строение обители, как он шьет обутку на братию и как спешит по московской дороге на зов друга своего Алексия-митрополита, как Сергей призывает Русь на бой с татарами и как мирит враждующих князей... все это мы увидим несомненно и реально. Таинственно и непостижимо, но совершенно реально станут ноги наши на земле Радонежа, на холме Маковца. Твои уши услышат стук топора в дремучей дебри. Ты пойдешь по тропиночке и сквозь деревья увидишь белеющие срубы избушечек-келий... Вон и сам Великий пилит сосновое

бревно с Исаакием... Перестала звенеть пила. Преподобные отирают холщовым рукавом пот с чела... Ты стоишь и не чувствуешь, что тебя кусают комары... Смолой и земляникой пахнет темный бор, благоухает духмян-трава... А ты плачешь от радости: не мигаючи соглядаешь ты солнце русское — Сергия, созерцаешь ты зорю утреннюю, росодательную»¹⁰.

Никогда не бывавший в Оптиной пустыни, Борис Шергин любил ее всей душой. Он говорил о ней так, словно все здесь знакомо ему, а об оптинских старцах задолго до их канонизации писал как о святых. В одном из неопубликованных дневников Шергина есть запись, в которой он рассказывает о своем пути к любимому старцу Анатолию. И кто сможет сказать, что этого пути — внутреннего, духовного — не было? «Эти сто годов, — пишет Шергин, — что отделяют меня от времени земной жизни о. Леонида, не более существенны, чем туман, что был ночью сегодня, а утром исчез. Нету этих ста годов. Я, вот, ступаю по той траве, по которой старец Леонид ходит, я (с иноком Парфением) в сенцах стою, смущаясь войти в келью. Я не знаю, как меня отче встретит, пришельца из XX века... Передо мною низенькая, чтобы зимою не уходило тепло, дверь, обитая парусиной по войлоку. Эта низенькая тяжелая дверь... Эта дверь, дубовая, видно, за железную скобу которой я дергаю с усилием, и есть сто лет, отдалившие меня от старца, которого хочет любить сердце мое... Я с усилием отворил дверь. И вот уже стою в келии о. Леонида. Он сидит на кроваточке и смотрит радостно.

— Отченька мой! А где же эти сто лет? Я из страшных годов века двадцатого, а ты скончался в сороковые годы века девятнадцатого!

А он поет: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»»¹¹.

Не раз и не два упоминая о том, какое драгоценное наследие вручила ему милая родина, возлюбленный Север, Шергин прежде всего говорил о святых Зосиме и Савватии Соловецких. И увидеть их воочию, преодолевая пространство и время, он мог, казалось бы, без всякого труда: «Ехал на трамвае. Лубянка, Театральная... Толкотня, жмут, ругаются. А над городом, над площадью, за домами дальними туманная заря... И вот вижу берег родимого моря. День, тишина безглагольная, разве чайка пролетит и жалобно прокричит, рыба плеснет. Бледное северное небо.

10 Шергин Б. В. Из дневников. 1946... С. 174.

11 Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) Р. V. Ф. 278. Оп. 1. Д. 233.

В беспредельных далях морских реют призрачные туманы. В тишине несказанной слышен еще легкий плеск волн о камни... Серые камни, белые пески, раковины... В этой тишине, в тихом сиянии северного дня вижу двух иноков. Это преподобный Савватий и преподобный Герман отправляются на Соловки. Тихи их голоса, спокойны из действия. Преподобный Савватий выше Германа, тонок и худощав... ..Карбасик наполовину вытащен на берег. Мачту поставят, выйдя в голомя, сейчас она с наверху парусом лежит вместе с веслами и багром. Пестерь с сухарями, бочонок воды — вот и вся кладь иноков-мореходцев»¹².

И еще Борис Шергин рассказал нам об очень простых вещах: о том, *какими* должны быть отношения между людьми — и в семье, и в обществе. В рассказах «Детство в Архангельске», «Поклон сына отцу», «Миша Ласкин», в рассказах о кормщиках и во многих других своих произведениях он показал *норму*, и если мы сегодня согласимся с тем, что это и есть норма, тогда наше общество останется семейным, соборным единством, а не превратится в структуру, состоящую из замкнутых в скорлупе эгоцентризма индивидуумов, в лучшем случае — равнодушных, а чаще — враждебных друг другу. Шергин показывает нам, что достойные отношения между людьми строятся по принципу разумной иерархичности, на взаимной ответственности, уважении и любви, а не на всячески навязываемых нам сегодня и чуждых русскому самосознанию требованиях беспрестанной борьбы за «права человека», борьбы внутренне разобщенных и чужих друг другу людей.

Ядром, основой, совершенной моделью устройства жизни каждого отдельного человека и общества в целом является для Шергина семья. Убежденность в совершенстве семьи как социального института, семейных отношений как наиболее достойных человека и естественных для него, последовательно и настойчиво утверждается в творчестве писателя, сохранявшего верность заветам отцов. Как пишет протоиерей Василий Зеньковский, «семья является идеальным типом социальной структуры. Самые великие и дорогие слова человеческого лексикона, относимые к Богу, — Отец, Сын. В природе семьи скрыты глубокие возможности, из нее берет начало подлинная иерархичность... — не простая, но связанная кровно. <...> Семья есть идеал всего мира»¹³. «Именно семья, — говорил

12 Шергин Б. В. Из дневников 1942–1953 годов // Шергин Б. В. Изящные мастера / сост., предисл. и сопровод. тексты Ю. Галкина. М.: Мол. гвардия, 1990. С. 324–325.

13 Зеньковский В. В., прот. Педагогика. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. С. 86.

русский философ И. А. Ильин, — дарит человеку два священных первообраза, которые он носит в себе всю жизнь и в живом отношении к которым растет его душа и крепнет его дух: первообраз чистой матери, несущей любовь, милость и защиту; и первообраз благого отца, дарующего питание, справедливость и разумение. Горе человеку, у которого в душе нет места для этих зиждательных и ведущих первообразов, этих живых символов и в то же время творческих источников духовной любви и духовной веры!»¹⁴

Атмосфера родительского дома, отношения, царившие в семье, навсегда остались для Шергина образцом домостроительства. Наиболее полно характер этих отношений раскрывается писателем в рассказах «Детство в Архангельске», «Поклон сына отцу», «Миша Ласкин», «Рождение корабля», а также в многочисленных дневниковых записях.

В иерархической структуре традиционной православной семьи первенствующее место, безусловно, принадлежит отцу. Вот как пишет об этом кандидат педагогических наук, протоиерей Евгений Шестун: «Отец имеет свойство рождать детей и по плоти, и духовно. <...> Отец знает уникальность каждого ребенка. Отец — это воплощенная жертвенность и любовь»¹⁵.

Отец Бориса Шергина, Виктор Васильевич, часто и надолго уходил в плавание, а когда работал на берегу, пропадал в пароходных мастерских дни напролет. «Мы видели отца дома, в Архангельске, только зимою, — пишет Шергин. — Прибежит в обед с верфи или из мурманских мастерских. Для спеху уж все на стол поставлено. И убежит — не убрано.

— Мне некогда. Машину пробуем...

За ужином ушки хлебнет, а рыбы не может:

— Я устал. Я лягу».

Умер он весной 1905 года, когда его сыну не исполнилось еще двенадцати лет. Казалось бы, он был попросту лишен возможности оказать на мальчика по-настоящему сильное влияние. Однако рассказы и дневники Шергина свидетельствуют об обратном: о том, что роль отца в формировании личности будущего художника и писателя была огромной. Как стрелка компаса, как послушные направлению

14 Ильин И. А. Семья в свете духовно-нравственных и культурных традиций общества // Духовно-нравственные основы семьи. Ч. 1. Основы духовной жизни. М.: Школьная пресса, 2001. С. 10.

15 Шестун Е., прот. Православная педагогика. М.: Православная педагогика, 2001. С. 460.

ветра флаги, «разворачивались» сердца домочадцев туда, где был отец. «Осенью, — пишет Шергин в рассказе «Детство в Архангельске», — когда в море наступят дни гнева и мрака, а об отце вестей долго нет, не знала мама покоя ни днем ни ночью. Выбежит наутро, смотрит к северу, на ответ только чайки вопят к непогоде.

Вечером заповорачиваются на крыше флюгера, заплачет в трубе норд-вест. Мама охватит нас руками:

— Ох, деточки! Что на море-то делается... Папа у нас там!

<...> Зимой отец на берегу, у матери сердце на месте».

Рассказ-эпитафия «Поклон сына отцу» начинается словами: «Отец мой, берегам бывалец, морям проходец, ленивой и спокойной жизни не искал». Этот зачин определяет основное содержание рассказа и перекликается с утверждением, подытоживающим сыновние воспоминания: «А отец много на веку работы унес, много поту утер на зною у машины, на людей тружаяся. Не давая себе покоя ни в дни, ни в ночи». Характер отношения отца к труду, раскрывающийся в шергинских произведениях, определяется неустанной *потребностью* в работе, восприятием ее не как тяжелой необходимости, постылого бремени, а, напротив, как радостной возможности творческой самореализации и служения людям. Для Бориса Шергина отец — истинный и верный наследник многовековых народных традиций, и в соответствии с этими традициями он видит, как много *пользы* приносит труд: это и утилитарная, практическая польза — обеспечение достатка, безбедного существования семьи, и благо для общества в целом, и душеполезное дело.

Отметим, что в памятниках русской письменности XVI — XVII веков — Домострое и сочинениях митрополита Даниила — говорится о трудолюбии и как о христианской добродетели, и как о способе в земной жизни уподобиться Христу: «И Господь убо въ плотстемь смотрении, якоже рече Великий Василий, по первому возрасту родителем повинуюся, и всяк трудъ телесне кротко, с ними ношаше»¹⁶.

Если в знаменитом трактате начала XIII века папы Римского Иннокентия III «О презрении к миру» (известном на Руси с XVII столетия под названием «Тропник») труд оценивается как наказание человеку за первородный грех, то в России уже примерно с XV века физический труд перестает восприниматься только как наказание и неизбежное зло, а становится средством спасения¹⁷. По Домострою,

16 Найденова Л. П. Мир русского человека XVI–XVII вв. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2003. С. 120.

17 Там же. С. 16.

забота о домочадцах, о ближних и служение им — долг истинного христианина и залог спасения.

Включая в текст рассказа «Поклон сына отцу» своего рода «поучение отца сыну» (жанр, характерный для Домостроя, содержащего «Послание и наставление отца сыну», «Поучение отца сыну» и в целом написанного как наставление священника Сильвестра сыну Анфиму), Борис Шергин со свойственными ему предельной лаконичностью и афористической емкостью формулирует отцовские заповеди так:

«Праздное слово сказать — все одно, что без ума камнем бросить. Берегись пустопорожних разговоров, бойся-перебойся пустого времени — это живая смерть... Прежде вечного покоя не почивай... Слышал ли, поют:

*Лежа добра не добыть,
горе не избыть,
чести и любви не нажить,
красной одежды не носить.*

И еще скажу — никогда не печалься. Печаль — как моль в одежде, как червь в яблоке. От печали — смерть. Но беда не в том, что в печаль упадешь; в горе — упавши, не встать, но лежать. А и смерти не бойся. Кабы не было смерти, сами бы себя ели...»

Это поучение убедительно свидетельствует о том, что в сознании русского православного человека не было принципиальной границы между трудом физическим и трудом душевным, они были взаимосвязаны и взаимообусловлены. Характерно, что в Измарагде, одном из источников Домостроя, трудящийся человек уподоблен иноку — молитвеннику и постнику: «Аще бо земныя убегаити страды, небесных не узрите благ. Иже делателемъ Бог обещал есть от труда убо здравие и от страды спасение. Ленивыи же по апостолу да не ясть. Земныи же бо делатель подобень есть неких постному жытию и труду, понеже сонъ отрясе на дело земное и деть, паче дому пустыня любить»¹⁸.

В отцовском поучении из рассказа Шергина наставления, касающиеся духовного состояния, воспитания души, призванные убереечь сына от тяжких грехов

18 Там же. С. 125.

(смертного греха уныния, ведущего к погибели души; нехристианского отношения к смерти; пустословия), неразрывно переплетаются с утверждением необходимости постоянного труда. Само требование «не почитать» «прежде вечного покоя» может восприниматься как относящееся в равной степени и к физической, и к душевной работе. Это прямо соотносится с утверждениями митрополита Даниила: «Леность бо всемъ деломъ зломъ мати бысть»; «кто убо на дело ленив — тот и о своей душе не подвизается»¹⁹.

В очерке «Запечатленная слава» Шергин называет отца в ряду других северных мореходов и судостроителей, также отличавшихся художественной одаренностью, тем самым подчеркивая общую для «морского сословия» тягу к творчеству, стремление продолжать и развивать традиции народной культуры: «Виктор Шергин мастерски изготовлял модели судов. <...> Любовь к слову сочеталась с любовью к художеству. Двери, ставни, столы, крышки сундуков в нашем доме расписаны его рукой. В живописи своей отец варьировал одну и ту же тему: корабли, обуреваемые морским волнением».

В рассказе «Рождение корабля» Шергин вкладывает в уста отца слова, обращенные к сыну и передающие его радость, вызванную согласием кораблестроителя Конона построить для артели судно: «Мне любо, что ты его художества насмотришься и золотых наслушаешься словес».

Но, наверное, главным, чем одарил отец сына на всю жизнь, что одухотворяло и его неустанные труды, и художество, и заботы о воспитании детей, была любовь — истинная, щедрая, «без хитрости». По замечанию Ю. Ф. Галкина, это такая любовь, которая воспринимается «как условие здоровой жизни, как основа человеческого жизнестроительного дела»²⁰.

Любовь, доброта, трудолюбие, ответственность, тяга к художеству, ровный и открытый нрав — это и составляет сущность отца, каким его запечатлел Шергин в своих произведениях.

В рассказе «Миша Ласкин» показано, как юного Бориса учил любить ближнего отец. Он проявляет особое внимание к приятелю сына, отец которого ушел в дальнее плаванье:

19 Там же.

20 Галкин Ю. Отцово знание // Изящные мастера... С. 8.

«Однажды мой отец строил корабль недалеко от города, и мы с Мишей ходили глядеть на его работу. В обеденный час отец угощал нас пирогами с рыбой. Он гладил Мишу по голове и говорил:

— Ешь, мой голубчик.

Потом нальет квасу в ковшик и первому подаст Мише:

— Пей, мой желанный».

А когда сын, притревновавший отца к другу, пытается обмануть Мишу, строго вразумляет его:

«Я всегда ходил на стройку вместе с Мишей. Но однажды я подумал: «Не возьму сегодня Мишку. Умею с кем поговорить не хуже его».

И не сказал товарищу, один убежал.

Корабль уже был спущен на воду. Без лодки не добраться. Я с берега кричу, чтобы послали лодку. Отец поглядывает на меня, а сам с помощниками крепит мачту. А меня будто и не узнает.

Целый час орал я понапрасну. Собрался уходить домой. И вдруг идет Миша. Спрашивает меня:

— Почему ты не зашел за мной?

Я еще ничего не успел соврать, а уж с корабля плывет лодочка. Отец увидел, что я стою с Мишей, и послал за нами.

На корабле отец сказал мне строго и печально:

— Ты убежал от Миши потихоньку. Ты обидел верного товарища. Проси у него прощенья и люби его без хитрости».

О том, какие добрые плоды принес этот отцовский урок, свидетельствует, в частности, сформулированное Борисом Викторовичем в дневнике за 1957 год убеждение: «Будь милостив к людям. Хоть близких тебе милуй до конца. Рассмотрю жизнь человека, который провинился перед тобой. Суди о людях по себе. Разгорячился на ближнего за поступок и сразу же рассуди — а я не поступал так же? Меня обманул приятель, а я разве не обманывал? С окружающих тебя, с приятелей старых и малых и с семейных не взыскивай жестоко, не «выводи на чистую воду», никогда не обидь их, не оскорби, не вгони в краску стыда. Ежели кто заплачет из-за тебя, огнем пусть кинет на тебя каждая такая слеза»²¹.

...Труженик, кормилец и воспитатель, мужественный и добрый, строгий и веселый, справедливый и милостивый — образ отца, каким запечатлел его Виктор

21 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968 // Москва. 1994. № 5. С. 141.

Шергин, полностью соответствует православному представлению об отце семейства. «Отец — это тот, кто осознает, что молитвой, скорбями, терпением он призван к искуплению грехов рода. Отец своей жизнью выпрямляет путь рода к Богу», — пишет Евгений Шестун²². Жизнь и творческое служение Бориса Шергина доказывают плодотворность воздействия на него отца.

Под стать отцу и мать, какой увековечил ее Шергин в рассказах и дневниковых записях. Ее образ — воплощение лучших черт национального женского характера, в котором гармонически сочетаются скромность и твердость, нежность и стойкость, беззащитность и отвага. И главное содержание женской материнской натуры — деятельная любовь к мужу и детям, родным и знакомым, близким и дальним людям. Основа этой любви — умение видеть в каждом человеке образ и подобие Божие. Борис Викторович, говоря о вере народа в то, что воскресший Христос от первого дня Пасхи до Вознесения «ходит по русской земле невидимо или под видом странника и нищего», вспоминал: «Чуть прозвучит у крыльца или под окном голос просящего «Христа ради», мать бежит на улицу и, подавши красное яичко, колобок и шанежку, поклонится нищему в пояс». А на удивленные вопросы «сторонних» людей, почему она кланяется «оборванцам чуть не в ноги», ответ у Анны Ивановны был один: «Может, это сам Иисус Христос был»²³.

Центральным, наряду с образом отца, образ матери становится лишь в рассказе «Детство в Архангельске». Но созданный здесь выразительный портрет дополняется отдельными деталями, яркими характеристиками, встречающимися в других произведениях писателя.

Материнский характер, представленный в произведениях писателя, — это и воплощение реального конкретного образа родной матери Шергина Анны Ивановны, и квинтэссенция характера женщины-поморки, характера, сформированного многовековой традицией. В Аннушке-невесте Шергин подчеркивает серьезность, сдержанность, чистоту, трудолюбие и несуетность, она «домоседлива и скромна»: «Молоденькая Ивановна не любила ни в гости, ни на гулянья. В будни просиживала за работой, в праздники — с толстой поморской книгой у того же окна» («Детство в Архангельске»). Книги, которые читала воспитанная в старообрядческой среде мать Шергина, — это не романы, а святоотеческие

22 Шестун Е., *прот.* Православная педагогика. С. 460.

23 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968. С. 145–146.

сочинения и Священное Писание. В эпизоде сватовства в рассказе «Детство в Архангельске» упоминается старообрядческое сочинение «Виноград российский», миниатюры из которого рассматривали Аннушка с женихом.

Одной фразой, одним выразительным штрихом Шергин передает натуру своей матери: «Мама на народе не пела песен, а дома или куда в лодке одна поедет — все поет». В том, что «на народе не пела», — особая сдержанность, требующая скромности, «чинности» поведения, внутреннее ощущение приличия, столь свойственное поморкам, а также природная застенчивость Анны Ивановны; а в том, что не на людях, не напоказ «все поет» — и поэтичность ее натуры, и переполнявшее ее чувство радости, свидетельство лада и мира, царившего в ее душе и в семье.

Став женой «бравого штурмана», Анна Ивановна проявляет себя как истая поморка: «Первые года замужества мама от отца не отставала, с ним в море ходила, потом хозяйство стало дома задерживать и дети».

Прежде всего Шергин подчеркивает роль матери как хозяйки дома, хранительницы очага. В самом обращении к ней отца «ты, моя хозяйюшка» («Рождение корабля») звучат признательность, уважение и нежность.

Образ идеальной жены возникает еще в Притчах Соломоновых: «Обретши волну и лен, творит благопотребна рукама своима, бысть яко корабль куплю деющ: издалуче збирающ все богатство. И восстает из ноши, даст брашно дому и дело рабыням. От плода рукою своею насадит стяжания много. Препоясавши крепко чресла своя, утвердит мышца своя на дело. И чад своих поучает, також и рабынь и не угасает светильник ея во всю ночь: руце свои простирает на полезная, локти же свои утверждает на вретено. Милость же простирает убогу, плод же даст нищим — не печется о дому своем муж ея. Жены ради доброй блажен есть муж и число дней его сугубо, жена бо мужа своего честнее творяще» (Притч. 31:13–22).

И в памяти Бориса Викторовича мать близка к этому идеалу.

В разные годы, вспоминая о том, как жил до отъезда из Архангельска, «до 25 годов у маменьки за пазушкой», Шергин записывает в дневниках:

«Мать, разумная, терпеливая, дом, житье-бытье вела и правила, а я с сестрами одну заботу знали — учиться»²⁴.

24 Шергин Б. В. Из дневников 1942–1953 годов // Изящные мастера... С. 381.

«Маменька мастерица была сказывать, умела и слушать («что услышу, то и мое»). При случае и в будни что-нибудь вспомнит, как жемчуг у нее слово катилось из уст. Прислуга, кухарка, кучер забудут про дела... Мама ничего не скажет. Но уж в праздники прислуга была как гости. А делала мать больше, чем прислуга»²⁵.

Шергин любил вспоминать о том, как готовились к Рождеству в дореволюционном Архангельске, как в Сочельник город кипел предпразднично, радостно. «Вернешься домой до зорь. Мама не спит, топятся печи, горят лампы, сияют образа, везде белое, тюль, салфетки. <...> А из печи вынимаются пироги, белые шапелки со пшеном, кулебячки с свежей сельдью, пирожки с мясом»²⁶.

В рассказе «Старые старухи» также упоминается о трудолюбии Анны Ивановны и об отношении ее к прислуге как к домочадцам, что было характерно для патриархальной семьи: «Рано, перед лазорями, мать обрягается у печки. Мытницы подойдут с ведрами и мочалками, справят челобитье:

— Благослови-ко, хозяйюшка, полы шоркать!

Мать равным образом поклонится в пояс:

— Мойте-ко, голубушки, благословясь!»

Петрозаводский литературовед Юрий Дюжев, отмечая, что «воспоминания Шергина... любовно рисуют устройство домашнего быта в духе древнецерковного спасительного благочестия», подчеркивает: «Религиозное настроение пронизывает все устройство „жизни живой“ родной семьи писателя»²⁷.

Дневниковые записи и автобиографические рассказы Бориса Викторовича воссоздают эту благодатную, живительную атмосферу, свидетельствуют о том, что именно в доме родителей, под их непосредственным влиянием зародилось в нем и глубокое религиозное чувство, и тяга к искусству, и любовь к Русскому Северу.

«О, какое драгоценное наследие вручила мне моя милая родина, возлюбленный мой Север... Смала в родной семье, — вспоминает он в дневнике за 1942 год, — я привык слышать святые имена Зосимы и Савватия, привык видеть

25 Шергин Б. Слово о родимой стороне: Из дневников разных лет... С. 59.

26 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968 // Москва. 1994. № 5. С. 122.

27 Дюжев Ю. Хранитель народной памяти // Север. 1999. № 3. С. 143.

икону их, Соловецкий патерик любимейшая моя была книга, а литографированные картинки его первую мою были картинною галереею. И начал я копировать их, едва научась держать в руке карандаш»²⁸.

«У матери в спальне была древняя икона преподобных Соловецких. Зосима и Савватий возносят над бушующим морем обитель свою. Отец мой, моряк, счастливым почитал год, когда удавалось пристать в корабельном походе к святым островам и помолиться у гроба преподобных.

В осенние непогодливые ночи я, маленький, укладывался спать у матери в комнате. <...> Мать, помолившись, спит. Я знаю, что крепко молилась она об отце, который еще не вернулся с Мурмана, хотя уже начались непогоды. «О плавающих, путешествующих отцах и братьях наших помолитесь, угодники Божии Зосима и Савватие!» — шептала мать»²⁹.

Чаще всего мать — «золотые словеса» — вспоминается Шергину, словно в песенном, былинном, сказочном ореоле. Так, в святочные дни и спустя десятилетия после отъезда из Архангельска он, будто наяву, слышит матушкин голос: «Я, маленький, пробуждаюсь, и мама поет: — «Прикатилось Рождество»:

*Прикатилось Рождество
К господину под окно:
Вставай, господин,
Со кровати тесовой,
Со перины пуховой... —*

напеваает (множество она праздничных старинных, вечно юных, припевок знала)»³⁰.

Звучит материнская песня и в рассказе «Детство в Архангельске»: «Я у матери на коленях любил засыпать. Она поет:

*Баю, бай да люли!
Спи-ко, усни*

28 Шергин Б. В. Из дневников 1942–1953 годов // Изящные мастера... С. 320–321.

29 Там же. С. 388.

30 Шергин Б. В. Дневники: 1948–1968. С. 121.